

**ЗАКЛЮЧЕННЫЕ И ВОЕННОПЛЕННЫЕ КАК ОБЪЕКТ  
ВЕДОМСТВЕННОЙ «КОНКУРЕНЦИИ» В ЭКОНОМИКЕ СССР (1945-1953 гг.)**

© 2012 А.В. Захарченко

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г.Самара

Поступила в редакцию 10.04.2012

Основной проблемой, анализу которой посвящена статья, является взаимодействие экономических ведомств с высшими партийными и государственными органами по вопросу распределения рабочей силы из числа заключенных и военнопленных НКВД-МВД в 1945-1953 гг. Внимание также уделено и «конкуренции» между министерствами за трудовые ресурсы в послевоенный период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; заключенные; военнопленные; советская экономика; принудительный труд.

Великая Отечественная война привела к серьезным изменениям в народном хозяйстве СССР. Помимо отраслевой диспропорции – высокого удельного веса оборонных расходов и военной продукции в общей структуре производства, неравномерного распределения мощностей промышленности в связи с их эвакуацией на восток, разорением военными действиями западных регионов, сократилась численность населения, в том числе трудоспособных возрастов. Если в середине 1941 г. население СССР составляло – 196,7 млн. чел., то в начале 1946 г. – 170,7 млн.<sup>1</sup> Почти на 10% в сторону уменьшения изменилось соотношение трудоспособной части населения к общей численности.<sup>2</sup> В этих условиях власти ориентировались на решение как минимум трёх экономических задач. Во-первых, необходимо было восстанавливать разрушенные объекты промышленности, сельского хозяйства, транспорта, энергетики, социально-бытовой инфраструктуры и т.д. Во-вторых, увеличивать долю выпуска гражданской продукции в общем производстве. Наконец, в-третьих – и эта задача осложняла реализацию предыдущей – продолжать курс на развитие военной промышленности, увеличивая военные расходы, в силу наступления нового противостояния с капиталистическим миром. В условиях форсированной индустриализации (а после окончания войны этот процесс продолжался) все структуры народнохозяйственного комплекса страны находились в состоянии перенапряжения, директивы центра множили обязательства министерств и ведомств друг перед другом. При таких условиях межведомственные разногласия, порожденные конкуренцией по поводу реализации фондов и использования трудовых ресурсов, становились неизбежными.

*Захарченко Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, докторант кафедры истории ГБОУ ВПО МГПУ.  
E-mail: zav.dpn2010@yandex.ru*

Как и в годы предвоенных пятилеток, в послевоенный период народно-хозяйственный комплекс СССР испытывал потребность в привлечении дополнительных рабочих рук в промышленную и строительную отрасли. Разумеется, основное пополнение новыми работниками произошло за счет демобилизации военнотрудовых ресурсов после окончания войны. Однако полностью восполнить потребность в трудовых ресурсах, которую испытывали прежде всего гражданские сектора экономики, при новой гонке вооружений оказалось сложной задачей. Руководство страны при решении этой проблемы продолжало политику массового использования принудительного труда во многих отраслях экономики. Тем более что численность заключенных в послевоенный период, несмотря на приуроченную к Победе амнистию, неуклонно росла. На 1 апреля 1946 года в местах лишения свободы содержалось 1585 тысяч осужденных, что почти на 300 тысяч больше, чем на 1 октября 1945-го. Только в течение января 1946 г. численность заключенных в лагерях, колониях и тюрьмах увеличилась на 75 тысяч человек. На 1 января 1948 года в исправительно-трудовых лагерях и колониях (ИТЛ и ИТК) содержалось 2199 тысяч заключенных. На 1 января 1950 г. в системе МВД СССР в 86 исправительно-трудовых лагерях, 9 особых лагерях и 1019 исправительно-трудовых колониях и лагерных подразделениях, непосредственно подчиненных МВД республик, УМВД краев и областей, содержалось 2558 тысяч заключенных – на 193 тысячи больше, чем год назад.<sup>3</sup> Примерно на этом же уровне статистика сохранялась и в 1952 г.<sup>4</sup> Контингенты лагерей и колоний оставались важным ресурсом в процессе реализации планов развития народного хозяйства и в послевоенный период.

Правительство через свои отраслевые бюро во главе с заместителями председателя Совета Народных Комиссаров СССР (с марта 1946 г. – Совета Министров), а также через Госплан, ко-

торый согласовывал потребности хозяйственных ведомств, в том числе и в рабочей силе, давали указания НКВД-МВД, каким образом распределять заключенных и военнопленных для тех или иных отраслей экономики.<sup>5</sup> Следует отметить, что опыт привлечения военнопленных к трудовой повинности имелся и в годы войны. Например, труд военнослужащих вермахта и союзных Германии армий (венгры, румыны), попавших в плен после окончания Сталинградской битвы в феврале 1943 г., использовался на восстановительных работах в Сталинграде. После войны масштабы привлечения военнопленных на производство существенно расширились.

Распределение заключенных и военнопленных для хозяйственных ведомств осуществлялось на договорной основе. Заинтересованные в рабочей силе предприятия и организации заключали с подразделениями НКВД-МВД на местах (региональные управления или отделы исправительно-трудовых лагерей и колоний, а также управления по делам военнопленных) соглашения, по которым органы внутренних дел предоставляли предприятиям, трестам и другим организациям «контингент» для трудового использования на том или ином объекте. В документах НКВД-МВД такой порядок характеризовался как «предоставление рабочей силы на сторону» хозяйственной организации («хозоргану») для выполнения контрагентских работ. При этом администрация лагеря или колонии обязывалась по условиям договора вывести на объект хозоргана необходимое количество рабочей силы, обеспечив ее охрану. Хозорган в свою очередь обязан был обеспечить заключенных и военнопленных фронт работы, предоставить обмундирование, инструмент и т.д., а также оплачивать труд «контингента». Однако принципиальные решения о параметрах использования принудительного труда в соответствии с принципами командной экономики принимались центральным руководством. Сразу после окончания войны правительство поручило наркоматам и другим ведомствам прислать заявки на возможный прием и размещение военнопленных с целью их трудового использования на своих хозяйственных объектах. 22 мая 1945 г. заместитель председателя СНК СССР А.Н. Косыгин представил председателю Госплана Н.А. Вознесенскому записку, где был предложен вариант распределения военнопленных на основе присланных заявок. Всего наркоматы, главки, предприятия готовы были принять и «трудоустроить» 409,6 тыс. военнопленных, которых предполагалось использовать на трех видах работ: заготовке строительного леса, топлива, восстановлении разрушенной жилищно-коммунальной системы городов, пострадавших от военных действий. Самый большой спрос на рабочую силу был отражен в заявке от Наркомата лесной промышленности

(249,3 тыс.). На втором месте были предприятия республиканских наркоматов и местных организаций, рассчитывавших использовать труд военнопленных в городском хозяйстве (115,2 тыс.). Далее шли союзные наркоматы Электростанций, Текстильной, Легкой промышленности, наркоматов Вооружения, Строительных материалов. Все они стремились привлечь военнопленных на заготовку топлива для своих предприятий. Еще 18,2 тыс. военнопленных запросил Главснаблес при СНК СССР.<sup>6</sup> Однако, по всей видимости, это был не окончательный вариант. От наркоматов и их подразделений в Госплан поступали просьбы скорректировать заявки на распределение военнопленных в сторону увеличения. Тем более что от НКВД ожидали предоставления рабочей силы уже летом, то есть в наиболее благоприятный период для заготовки топлива, строительных работ и т.д. Однако руководство НКВД выразило недовольство настойчивостью хозяйственных ведомств, о чем в письме заместителю Госплана Г.П. Косяченко 22 июня 1945 г. писал заместитель наркома внутренних дел В.В. Чернышов. Он отмечал, что НКВД не может согласиться ни с проектом баланса и плана распределения рабочей силы за счет военнопленных, ни с записью в балансе, обязывающей НКВД отправлять сверхустановленного постановлением Государственного Комитета обороны (постановление №8921сс от 4 июня 1945 г.) количества военнопленных другим наркоматам. Расчет предприятий, строительных и других организаций задействовать труд военнопленных уже летом 1945 г. не оправдался. Чернышов не стал обнадеживать Госплан насчет быстрой их доставки на объекты наркоматов: «В связи с транспортными затруднениями, отгрузка военнопленных с фронтов и их продвижение по железным дорогам СССР происходит медленно и не гарантирует поступления всех военнопленных на стройки и предприятия страны ранее 10-15 сентября». При этом руководство Госплана Чернышов просил «никаких записей по военнопленным в решениях СНК СССР или ГКО не делать, а в балансе плана рабочей силы точно руководствоваться указанными постановлениями ГКО».<sup>7</sup>

Руководители наркоматов рассматривали труд бывших военнослужащих вермахта и его союзников как важное условие выполнения напряженных плановых заданий в первые послевоенные годы. Так, в ноябре 1945 г. на авиационных заводах Москвы из 25770 рабочих 5370, или 20%, были военнопленными и трудились на основном производстве.<sup>8</sup> Решая кадровую проблему, хозяйственные ведомства старались использовать мобилизационные возможности и ресурсы лагерного комплекса НКВД-МВД, тем более что широкое применение принудительного труда прочно вошло в практику советской

экономики еще с конца 1920-х гг. Однако в числе множества недостатков, характерных для лагерной системы, следует выделить и такой, как невозможность удовлетворить потребности производства в квалифицированных и узкоспециализированных кадрах. Для ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных), ГУЛАГа, других производственных главков НКВД-МВД это было естественным и во многом непреодолимым препятствием для расширения параметров использования принудительного труда. Опыт организации «шарашек» и отбор специалистов из числа заключенных и военнопленных по всей стране для конкретных предприятий истроек лишь подтверждает данный тезис. В то же время в советской экономике хозяйственные организации приспосабливались к такой ситуации, стараясь концентрировать ценные кадры на основном производстве, оставляя вспомогательные и подсобные сектора, не требующие помимо физического здоровья специальных навыков, для подневольного труда. Именно в этих секторах был большой спрос на людские ресурсы НКВД-МВД. В связи с этим в высшие партийные и государственные инстанции от региональных и хозяйственных руководителей шли просьбы и предложения об организации специальной контрагентской колонии заключенных или лагерного отделения военнопленных для обслуживания того или иного объекта. Так, 25 марта 1946 г. в письме секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову министр авиапромышленности М.В. Хруничев, говоря о мероприятиях по улучшению положения на заводе №26 (моторостроительный в Уфе), предложил дать указание Министерству внутренних дел организовать отделение при исправительно-трудовой колонии на 700 человек для заготовки дров заводу.<sup>9</sup> Более настойчивой была просьба руководства Сталинградского обкома. В письме заместителю председателя Совета министров СССР Берии от 30 мая 1947 г. секретарь обкома Прохвятилов просил оказать помощь Сталинградскому тракторному заводу и тресту «Тракторострой», которые, испытывая острый недостаток в рабочей силе, оказались не в состоянии выполнить ни правительственных постановлений, ни решений региональных властей о форсировании восстановительных работ на заводе и увеличении выпуска тракторов и запасных частей. Поскольку возможности мобилизации местного населения уже были исчерпаны, руководство Сталинградского обкома просило решить вопрос о выделении и завозе 3000 военнопленных из других городов СССР для завода и треста «Тракторострой».<sup>10</sup> 23 августа 1947 г. аналогичная просьба поступила в секретариат Берии и от руководства Калужской области – секретаря обкома И. Попова и облисполкома П. Шурыгина. Они сетовали на неудовлетворительную

работу треста «Калужстрой» Министерства жилищного гражданского строительства РСФСР, кадровые возможности которого не соответствовали масштабам восстановительных работ в г.Калуге. Учитывая, что в городе оставались разрушенными многие коммунально-бытовые, учебные и культурно-просветительские здания, отсутствовали электростанция, гостиница и другие объекты, строительство и восстановление которых шло медленно, авторы записки просили Берию «дать указания МВД СССР выделить через УМВД Калужской области тресту «Калужстрой» для строительно-восстановительных работ 300-350 заключенных».<sup>11</sup>

В целом за возможность расширения параметров использования труда военнопленных и заключенных в рамках отдельной отрасли или даже предприятия и строительства между ведомствами возникали неизбежные разногласия, в которых НКВД-МВД участвовал и как заинтересованная сторона (когда это затрагивало его интересы как хозяйственной структуры), и как арбитр, если речь шла о подтверждении уже принятых решений по распределению контингентов. Об этом свидетельствует реакция руководства НКВД на обращения Госплана дать заключение на то или иное обращение хозяйственных органов. Например, в конце ноября 1945 г. заместитель председателя Госплана Косяченко просил НКВД рассмотреть возможность выделения 1000 военнопленных японцев на строительство гидроэлектростанций в Киргизской ССР (Ворошиловская и Аламадинская ГЭС). Однако поскольку это противоречило уже принятому еще 23 августа постановлению ГКО, согласно которому всех военнопленных японской армии, направляемых в Киргизскую ССР, распределяли только для объектов Наркомата авиапромышленности, замнаркома внутренних дел Чернышов на выдвинутую просьбу ответил отказом.<sup>12</sup>

Развернувшаяся конкуренция ведомств за «контингенты» НКВД-МВД, желание полностью решить кадровую проблему зачастую игнорировало вопрос о создании необходимых бытовых условий для заключенных и военнопленных. По отношению к своим производственным главам руководство органов внутренних дел порой не проявляло необходимой требовательности (например, соблюдение нормы в 2 м<sup>2</sup> жилой площади в лагерях и колониях на одного заключенного было скорее исключением, чем правилом). В то же время, если речь шла о предоставлении «контингентов» на контрагентские работы предприятиям и строительным трестам других организаций, то в таких случаях НКВД-МВД проявляли щепетильность, требуя от хозорганов выполнения своих обязательств. В октябре 1945 г. в Госплане разбирался очередной запрос, на этот раз от Главвоенморстроя, о выделении 20 тысяч военнопленных японцев

для работы на объектах этого главка на Дальнем Востоке (Хабаровский, Приморский края, Читинская область). Заместитель наркома внутренних дел Чернышов в ответном письме категорически высказался против такого количества «контингента», поскольку Главвоенморстрой не сможет всех принять. Руководству главка было заявлено, что НКВД предоставит военнопленных в том количестве, которое будет обеспечено жилыми помещениями.<sup>13</sup> Характерно, что руководители предприятий, трестов, главков порой проявляли нетерпение, ожидая прибытия военнопленных на свои объекты, и считали необходимым лишний раз напомнить органам внутренних дел об их обязательствах по организации контрагентских лагерей. Не прошло и десяти дней с момента капитуляции японских войск, а Госплан уже напоминал НКВД о выполнении решения ГКО от 23 августа 1945 г. о выделении пленных японцев на строительство Барнаульского котельного завода. В своем ответе председателю Госплана Н.А. Вознесенскому замнаркома внутренних дел В.В. Чернышов сообщал, что 2000 японцев будут предоставлены на это строительство, как только «первые эшелоны с контингентом японской армии придут в СССР».<sup>14</sup> Такое поведение руководства хозяйственных наркоматов было не беспочвенным. По крайней мере, получив одобрение высшего руководства (ГКО, Совнаркома) на распределение военнопленных по своим объектам, директора предприятий и трестов, исполняя указания своего начальства, заранее приступали к организации мест размещения «контингента». Средства для этого выделялись за счет фондов тех же наркоматов. Поэтому в случае непредвиденной задержки с поступлением рабочей силы от НКВД хозорганы вынуждены были содержать административно-обслуживающий персонал, жилищно-бытовую инфраструктуру. Тем самым освоенные капиталовложения не окупались трудом «контингентов», на которых так рассчитывали производственные руководители. Именно об этой проблеме писал нарком нефтяной промышленности Н. Байбаков в записке на имя председателя Госплана Н.А. Вознесенского 31 мая 1945 г. Направляя заявку на 25000 военнопленных для работ в нефтяной промышленности, нарком указывал, что, несмотря на немедленную готовность его отрасли принять контингент в количестве 10000 человек и давно оборудованные лагеря, Наркомнефть до сих пор испытывает некомплект в рабочей силе, поскольку НКВД задержал отправку нескольких эшелонов с рабочей силой. В свою очередь «предприятия и стройки отрасли не могут выполнить план из-за нехватки рабочих рук». Например, на объектах треста «Куйбышевнефть» работало в мае 1650 человек, в то время

как потребность составляла 4150.<sup>15</sup>

Следует отметить, что, предъявляя запрос на подневольный контингент, наркоматы-министерства вступали в конкуренцию за рабочую силу с самим НКВД-МВД, поскольку производственные главки этого ведомства вели масштабную хозяйственную деятельность, как и все другие, были перегружены плановыми заданиями послевоенной пятилетки. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы по корректировке планов хозяйственной деятельности НКВД на 1946 г. 5 января 1946 г. нарком внутренних дел С.Н. Круглов направил для рассмотрения в Госплан материалы по предполагаемым параметрам производственно-хозяйственной деятельности наркомата на I квартал 1946 г. Однако, рассмотрев предложения Круглова, сводный отдел Госплана в записке 12 января, поданной на имя Н.А. Вознесенского, цифры для предприятий и строек НКВД по многим позициям пересмотрел. Например, план вывоза леса для лесных лагерей увеличили с 2240 тыс. м<sup>3</sup> (предложения Круглова) до 2400 тыс. м<sup>3</sup>, в том числе и по деловой древесине. Вместо предложенных наркоматом 300 млн. руб. производства валовой продукции сотрудники Госплана установили 307 млн. руб.<sup>16</sup> Конечно, большинство ведомственных расходов в конечном итоге согласовывались, однако принятие итоговых цифр не означало полной гарантии от дальнейших корректировок, учитывая, что в советской экономической системе определяющую роль играла политическая воля, а не экономическая целесообразность.

Применительно к вопросу распределения рабочей силы из числа заключенных и военнопленных, необходимо подчеркнуть, что хозорганы всегда остро реагировали на любые действия руководства НКВД-МВД, связанные с перераспределением контингентов, если эти действия влекли за собой сокращение трудовых ресурсов на хозяйственных объектах министерств и ведомств. В таком случае в правительственные инстанции шли письма с просьбой оказать давление на НКВД-МВД, как это произошло в Ростовской области в 1947 г. Этот регион в годы Великой Отечественной войны находился в зоне немецкой оккупации. Экономика области серьезно пострадала в ходе боевых действий, поэтому после окончания войны там развернулись массовые восстановительные работы, на которые специально выделялись контингенты заключенных, работавших на добыче угля, строительстве, восстановлении промышленных предприятий. Все лагеря, где содержались заключенные, трудившиеся на контрагентских работах, были организованы и оборудованы по договорам с МВД за счет хозорганов. 7 июля 1947 г. руководитель Ростовского обкома Александрюк направил заместителю председателя Совета Министров СССР Берии записку, по сути являющуюся коллективной жалобой на дей-

ствия руководства МВД. Директора предприятий Ростовской области были крайне недовольны сложившейся практикой, согласно которой органы внутренних дел регулярно вывозили за пределы региона наиболее трудоспособных и квалифицированных заключенных из лагерей, созданных на средства предприятий и трестов других министерств. Судя по всему, МВД в своих интересах проводило ротацию заключенных, формально сохраняя численность «контингента» на контрагентских работах, при этом перебрасывая более квалифицированную подневольную рабочую силу на другие (возможно, собственные) предприятия и стройки. Этим, собственно, и были возмущены руководители гражданских министерств и их организаций в Ростовской области: «Получается, – сетовал Александрюк, – что организованные и содержащиеся за счет хозорганов лагеря МВД используют для физического оздоровления, получения новых трудовых навыков, а потом вывозят в другие местности, не считаясь с интересами организаций, которые затратили средства на обслуживание лагерей. Прошу Вас, т.Берия, учесть, что Ростовская область ощущает недостаток рабочей силы в промышленности».<sup>17</sup> В данном случае в этом конфликте интересов обращает на себя внимание узковедомственный подход: руководителей Ростовского обкома и директоров предприятий заботило не то, что многие заключенные были восстановлены после истощения и получили квалификацию, а действия МВД, лишившего область и местные предприятия подневольной рабочей силы, на организацию лагерей для которой были затрачены существенные средства за счет фондов соответствующих хозорганов.

Похожие разногласия возникли в Молотовской области, где на МВД было возложено обязательство предоставить крупным стройкам региона заключенных (19,5 тысячи). В то же время областное Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) МВД выделяло на контрагентские работы не более 3000 человек. В результате несколько строительных трестов, таких как «КамГЭСстрой», «Кизелшахтстрой», «Уралхимпромстрой», «Севуралтяжстрой» оказались укомплектованы рабочей силой из числа заключенных на 20-25% от запланированного, а в трестах «Уралзападолес», «Губашахтстрой», тресте №29 «спецконтингент» вообще не работал. Как и в случае с Ростовской областью, в Молотовской области местные власти и руководители предприятий были недовольны тем, что руководство МВД вывозит с контрагентских работ трудоспособных заключенных, заменяя их непригодными к физическому труду. Вероятно, обком партии хотел в дальнейшем при решении подобных вопросов обойти такое промежуточное звено в системе МВД, как региональное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний, поскольку секретарь Молотовского обкома Пигалев

просил Берия обязать министра внутренних дел С.Н. Круглова организовать на строительстве Камской ГЭС Управление лагеря с непосредственным подчинением ГУЛАГу МВД.<sup>18</sup>

Таким образом, имеющиеся документы переписки наркоматов-министерств, региональных партийных комитетов с правительственными инстанциями показывают, как в своем стремлении получить дополнительные контингенты заключенных и военнопленных хозяйственные ведомства вступали в разногласия с главным распорядителем «подневольных контингентов» – органами внутренних дел. Приведенные факты показывают, что даже при выполнении государственных решений руководство МВД имело возможность их обойти, формально следуя букве того или иного постановления (например, заменять на объектах хозорганов здоровых заключенных на нетрудоспособных, сохраняя при этом их общую численность). Однако такое поведение встречало противодействие со стороны региональных властей и представителей экономических ведомств, на объектах которых трудились заключенные и военнопленные. Представителей НКВД-МВД могли уличить в таком формализме. Следствием разногласий, как видно из документов, могли быть обращения в правительственные инстанции с критикой органов внутренних дел, которые пытались решить вопрос с содержанием заключенных за счет хозорганов.

Анализ документов ведомственной переписки секретариата Совета Министров СССР позволяет судить о расхождениях в подходах к использованию принудительного труда в советской экономике. Если для центрального партийно-государственного руководства заключенные и военнопленные являлись в экономическом плане прежде всего мобильным трудовым ресурсом, который можно было в любой момент в массовом порядке перебрасывать на различные участки хозяйственного комплекса, то для отраслевых министерств, в особенности для директоров предприятий истроек, региональных руководителей подневольные контингенты рассматривались в качестве дополнительной рабочей силы, обеспечивающей на конкретном строительстве, заводе, шахте и т.д. текущее выполнение производственных планов. Отсюда и устойчивое стремление регионального начальства и директорского корпуса закрепить «контингент» за конкретными объектами. Например, в рамках программы восстановления города Орла там был организован специальный лагерь военнопленных, однако в связи с процессом постепенного освобождения бывших военнослужащих армий противника было принято решение о расформировании лагеря. В связи с этим 6 июля 1948 г. секретарь обкома Крылов и заместитель председателя Орловского горисполкома Домарев направили телеграмму в Совет Мини-

стров В.М. Молотову с просьбой дать указание МВД оставить данный лагерь до 1 ноября, чтобы дать возможность подготовить до этого времени необходимые кадры рабочих. Руководство региона беспокоила перспектива лишиться рабочих рук в разгар строительного сезона.<sup>19</sup> Причем проблема усугублялась тем, что обеспечить восполнение кадров за счет мобилизации крестьян из колхозов области оказалось сложной задачей – крестьяне были заняты на уборке урожая. В августе 1948 г. к министру внутренних дел С.Н. Круглову с просьбой не расформировывать лагерь заключенных, организованный отделом исправительно-трудовых колоний (ОИТК) при угольных шахтах и котельных г. Кемерово, обратился руководитель Кемеровского горисполкома Осипов. Он опасался, что вывоз заключенных приведет к полному срыву обеспечения топливом г. Кемерово на зимний период.<sup>20</sup> Аналогичная просьба поступила зампреду Совмина СССР А.Н. Косыгину 14 июля 1948 г. от секретаря Горьковского горкома Курятникова и председателя горисполкома Шульгина. Руководители города просили дать указание МВД об отсрочке до 1 ноября 1948 г. ликвидации лагеря при горьковском мельничном заводе, где заключенные были задействованы на сезонной работе – выгрузке хлеба нового урожая.<sup>21</sup> По всей видимости, региональные власти хотели попридерживать «контингент» до завершения хлебозаготовительной кампании.

Работу правительственных инстанций (секретариатов заместителей Сталина по правительству) с многочисленными обращениями хозяйственных организаций, региональных партийных руководителей по вопросам распределения заключенных и военнопленных можно охарактеризовать как правительственный арбитраж, процедура которого была достаточно проста. Например, поступив в секретариат заместителя председателя правительства Л.П. Берии, письма с его резолюцией направлялись руководству органов внутренних дел для обоснованного заключения. После поступления ответа от НКВД-МВД Берия принимал окончательное решение, которое докладывалось через секретариат заинтересованным ведомствам. Ответ зависел от содержания просьбы. Если хозяйственные организации просили выделить им дополнительные контингенты заключенных и военнопленных, представители НКВД-МВД, как правило, отвечали категорическим отказом.

Так, например, заместитель министра внутренних дел В.В. Чернышов в апреле 1946 г. возразил против просьбы руководителя Министерства авиационной промышленности М.В. Хруничева создать лагерное подразделение при моторостроительном заводе в г. Уфе, ссылаясь на то, что МВД Башкирской АССР не имеет на это необходимого числа заключенных.<sup>22</sup> Аналогич-

ный отказ был дан на ходатайство Сталинградского обкома в 1947 г. о выделении дополнительных контингентов военнопленных для строительства тракторного завода. Получив отрицательный ответ от МВД, Берия велел через секретариат Управления делами Совета министров сообщить в Сталинград секретарю обкома Прохвятилову о невозможности выполнить его просьбу.<sup>23</sup> В такой же лаконичной форме отказали и руководителю Калужского обкома И. Попову, который передал просьбу администрации треста «Кулужстрой» Министерства жилищного и гражданского строительства РСФСР о выделении дополнительного контингента заключенных (на письме Берия поставил резолюцию: «*т. Иванов, сообщите, что нет возможности. 25.08.1947.*»)<sup>24</sup>

В то же время, если обращения хозяйственных ведомств содержали жалобы на то, что органы внутренних дел не выполняют своих обязательств по выделению рабочей силы для предприятий и строек других наркоматов-министерств, то со стороны правительственных инстанций в адрес НКВД-МВД могли быть направлены строгие директивы с требованием разобраться и доложить о решении проблемы, как это произошло с уже упомянутым обращением (25 сентября 1948 г.) руководителя Молотовского обкома партии Пигалева, просившего Берию обязать МВД выполнить решение правительства и обеспечить важнейшие предприятия и стройки региона рабочей силой из числа заключенных. Прочитав письмо, Берия отдал распоряжение министру внутренних дел С.Н. Круглову принять все необходимые меры и сообщить о результатах в Молотовский обком Пигалева.<sup>25</sup>

Таким образом, исходя из анализа архивных документов вполне определенно можно говорить о том, что за возможность использовать заключенных и военнопленных НКВД-МВД на своих объектах шла конкуренция между различными хозяйственными организациями. Кроме того, привлекая рабочую силу из числа указанного «контингента», гражданские ведомства имели разногласия и с самими органами внутренних дел на разных уровнях административной вертикали. Причины данных конфликтов крылись как в специфике самой советской системы, где структуры ОГПУ-НКВД-МВД были наделены производственно-хозяйственными функциями, так и в конкретной ситуации, сложившейся в экономике СССР после войны. Объем восстановительных работ, как и дальнейший процесс индустриализации, масштабное строительство новых хозяйственных объектов в условиях нехватки рабочих рук стимулировали у гражданских ведомств потребность в подневольном труде заключенных, военнопленных и других «спецконтингентов» НКВД-МВД.

В свою очередь органы внутренних дел стремились обеспечить свои интересы, так как имели

собственную производственную базу, которую необходимо было обслуживать. Именно поэтому заключенных и военнопленных НКВД-МВД могли вывести из лагерей, созданных при объектах гражданских министерств, и направить на свои предприятия и стройки. Это и порождало конфликт, вынуждало гражданские ведомства и региональные власти направлять просьбы в центральные партийно-государственные инстанции.

Обращение к архивным материалам показывает, что программу восстановления экономики страны, перспективы преодоления последствий войны сталинское руководство связывало с необходимостью дальнейшего использования принудительного труда. Руководители наркоматов, министерств, предприятий и организаций, имея очень напряженные производственные планы, рассматривали возможность привлечь к работе в своей отрасли заключенных и военнопленных как необходимое условие исполнения хозяйственных обязательств. НКВД-МВД старались ограничить излишние притязания экономических ведомств на свой подневольный контингент, поскольку, во-первых, несли ответственность за его физическое состояние (именно по этой причине руководители органов внутренних дел как в центре, так и на местах были всерьез обеспокоены условиями труда и быта заключенных и военнопленных, переданных для работы в других хозяйственных ведомствах), а во-вторых, выполняли производственные функции, имели собственные стройки, предприятия, промыслы и т.д. И здесь вполне логично их стремление сохранить комплектование рабочей силой своих производственных главков.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Из них горожан – 65 млн. 179 тыс. в первой половине 1941 г. и 58 млн. 94 тыс. в 1946 г. Особенно сократилось численность сельского населения – с 133 млн. 614 тыс. и 112 млн. 456 тыс. соответственно. Цит. по: *Попов В.П.* Экономическая политика советского руководства, 1946-1953. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического ун-та, 2000. С.15-16.
- <sup>2</sup> Без МВД, Минобороны, заключенных и спецпоселенцев, трудоспособные к общей численности населения составляли в 1940 г. – 55,4%, в 1945 г. – 46,8%, в 1950 г. – 54,1% (см.: *Попов В.П.* Указ. соч. С.43).
- <sup>3</sup> *Кокурин А., Моруков Ю.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. №12. С.106; 2001. №4. С.86. №11. С.119.
- <sup>4</sup> В 1952 г. – в ГУЛАГе 2504514 заключенных (см.: *Попов В.П.* Указ.соч. С.52).
- <sup>5</sup> С марта 1946 г. Совет народных комиссаров СССР был переименован в Совет министров СССР.
- <sup>6</sup> Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф.4372. Оп.94. Д.197. Л.186.
- <sup>7</sup> РГАЭ. Ф.4372. Оп.94. Д.197. Л.131.
- <sup>8</sup> РГАЭ. Ф.4372. Оп.94. Д.197. Л.368.
- <sup>9</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.121 (техсекретариат Оргбюро). Д.469. Л.12.
- <sup>10</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р.- 5446. Оп.49. Д.2667. Л.19.
- <sup>11</sup> ГАРФ. Ф.Р.- 5446. Оп.49. Д.2667. Л.37-39.
- <sup>12</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп.94. Д.197. Л.335.
- <sup>13</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп.94. Д.197. Л.300.
- <sup>14</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп.94. Д.197. Л.299.
- <sup>15</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп.94. Д.197.
- <sup>16</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп.94. Д.903. Л.17.
- <sup>17</sup> ГАРФ. Ф.-Р. 5446. Оп.49. Л.2671. Л.21.
- <sup>18</sup> ГАРФ. Ф.-Р. 5445. Оп.50. Д.2680. Л.10.
- <sup>19</sup> ГАРФ. Ф.-Р. 5445. Оп.50. Д.2679. Л.57.
- <sup>20</sup> ГАРФ. Ф.-Р. 5445. Оп.50. Д.2679. Л.73.
- <sup>21</sup> ГАРФ. Ф.-Р. 5445. Оп.50. Д.2679. Л.59-60.
- <sup>22</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп.121 Д.469. Л.17.
- <sup>23</sup> ГАРФ. Ф.Р.- 5446. Оп.49. Д.2667. Л.19.
- <sup>24</sup> ГАРФ. Ф.Р.- 5446. Оп.49. Д.2667. Л.38.
- <sup>25</sup> ГАРФ. Ф.-Р. 5445. Оп.50. Д.2680. Л.11.

## CAMP PRISONERS AND PRISONERS OF WAR AS OBJECT OF DEPARTMENTAL «COMPETITION» IN THE SOVIET ECONOMY (1945-1953)

© 2012 A.V. Zakharchenko

Volga Region Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

The article is devoted to the problems of interaction of the Soviet economic ministries and the higher party and state bodies concerning the distribution of the forced labor of the camp prisoners and the prisoners of war in 1945-1953. The author also pays attention to the “competition” between the ministries for manpower during the post-war period. Keywords: the Great Patriotic War; prisoners; prisoners of war; the Soviet economy; forced labor.